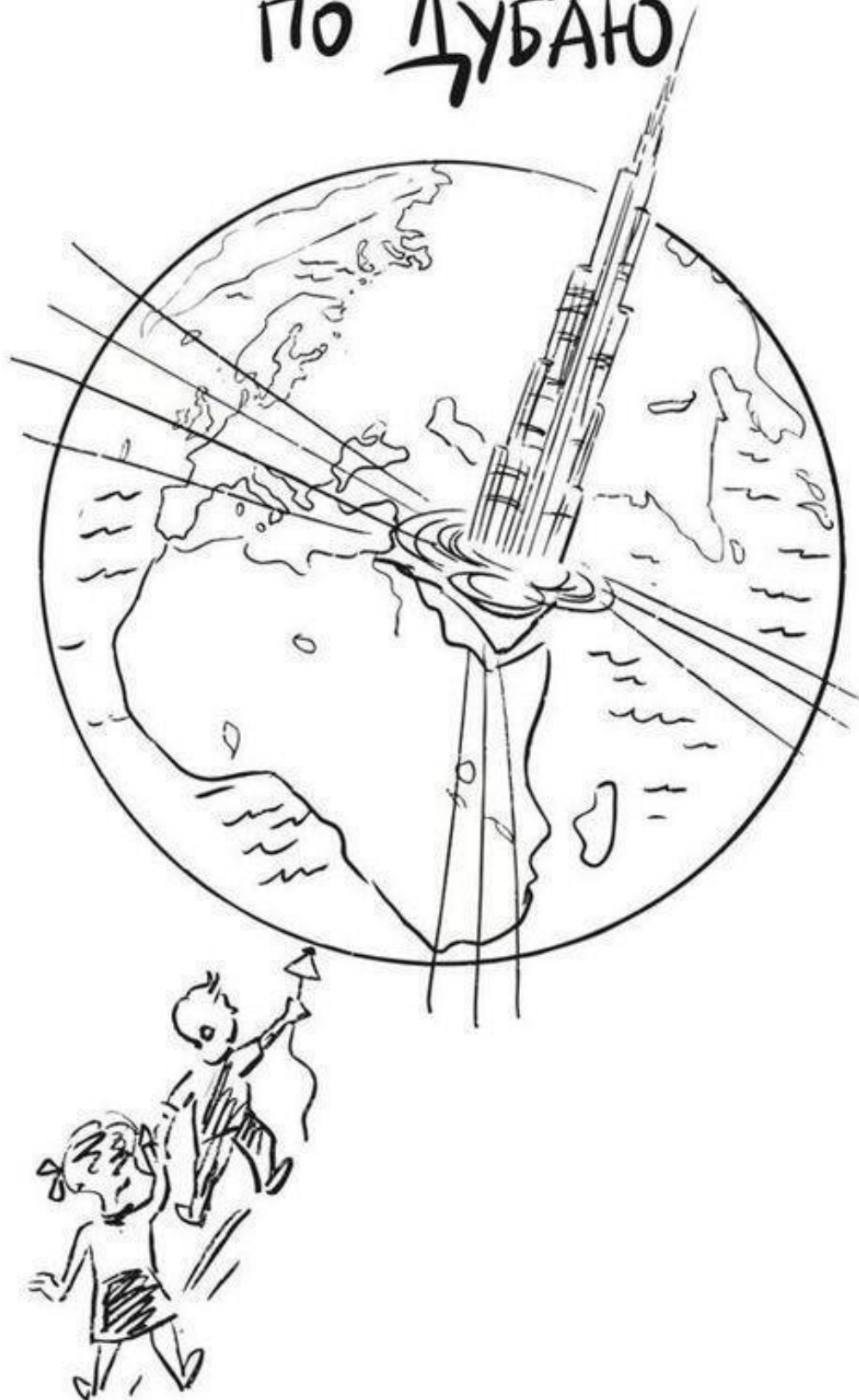

18+

ЕВГЕНИЯ
ПЛОХИХ

КАК Я СКУЧАЮ ПО ДУБАЮ

Евгения Плохих

Как я скучаю по Дубаю

«Издательские решения»

Плохих Е.

Как я скучаю по Дубаю / Е. Плохих — «Издательские решения»,

Эта книга — для тех, кто считает Дубай своим, скучает по нему ещё до отъезда и каждый раз возвращается с ощущением: «Я дома». Для тех, кто любит в этом мегаполисе не только море и солнце, небоскрёбы и красивые автомобили, но и то особенное ощущение легкости бытия, безопасности и свободы, которое сложно объяснить людям, никогда здесь не жившим. Эта книга для тех, кто уже понял Дубай, и для тех, кому это только предстоит.

© Плохих Е.

© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
Как я скучаю по соседям	7
Как я скучаю по чистой обуви	10
Как я скучаю по красивым машинам	11
Как я скучаю по хорошим дорогам	13
Как я скучаю по таксистам	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Как я скучаю по Дубаю

Евгения Плохих

Художник Алексей Иорш

© Евгения Плохих, 2026

ISBN 978-5-0071-0782-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

На лёгкой ряби успеха моей первой прозаической книги (так как ни волной, ни тем более гребнем этот успех пока назвать нельзя) я решилась написать новую зеркальную историю. В ней всё то, что мы так любим в Эмиратах, и то, чего теперь не хватает нам, тысячам людям по всему миру, которые имели счастье хотя бы год-другой пожить в ОАЭ. Конечно, все мы, избалованные возможностью выбора и сравнения, хотим всё лучшее в одной точке планеты. Мы мечтаем не накрывать крышей кабриолет и мчаться на нём сквозь вековые заснеженные сосны, любоваться пустыней и выращивать в своём дворе зелень и ягоды, по несколько раз в день махать охранникам, но чтобы они обязательно понимали наш любимый пароним: «Ох, рано встаёт охрана».

Собрание глав планировалось лёгким, весёлым, солнечным, как и сам город, которому они посвящены. Но в отличие от первой книги, эта зрела довольно долго. Подборка казалась вполне годной, но какой-то легковесной, и писать не особо хотелось. Пока не наступил последний день зимы 2026 года. Именно он и события, следующие за ним, мгновенно сделали мою тогда ещё будущую книгу не такой томной, а для многих, в одночасье покинувших Дубай, ещё и весьма актуальной. И тут уже не писать стало невозможно. Страх, суета, огромное количество навалившихся и отвалившихся дел перевернули с ног на голову нашу дубайскую жизнь. Каждый, с кем мы общались, словно подкидывал идеи, сюжеты и материалы для новых глав. Но больше всего, конечно же, подкидывало историй наше семейство: дочь пиццала от восторга, что мы возвращаемся в Москву, сын без остановки спрашивал, почему мы уезжаем из Дубая, пёс решил заболеть раком, камнями в почках и воспалением простаты, а муж был, как всегда, спокоен и сдержан, только вслед за электронной сигаретой непременно закуривал обычную. После очередной затяжки он купил нам билеты на родину, чтобы внеплановые весенние каникулы мы провели среди берёзок, а сам остался с псом на хозяйстве в ОАЭ. Я с детьми вернулась в Москву и понеслось.

В сетях это называется «прививка Дубаем», потому что, однажды проникшись этим городом, тебе сложно объяснить окружающим, почему вы здесь. Сложно, но я попробую.

Как я скучаю по соседям

Родина — это любовь безусловная. Родину, как детей, любишь за всё, за недостатки и за достоинства, за сметану и Чехова, за широту просторов и за вечно недовольных людей, тебе порой их даже не хватает. Дубай для нас никогда не был родиной, но он очень быстро стал нашим домом.

Когда ты переезжаешь сюда или куда бы то ни было, то в новой точке реальности есть только ты, твои амбиции, твои чемоданы и стены, которые даже если не в аренду, сначала будто тоже не твои.

И вот ты начинаешь обживать, на полках появляются книги, в шкафах вещи, на стенах фотографии, в нашем случае — детские каракули, пятна от сока, бесконечные наклейки старшей и царапины от арматуры, которую везде за собой таскает младший.

Потом твой дом расширяется до улицы: здорово, что рядом есть русские, ну как русские, русскоговорящие, например, из Узбекистана, но всё равно наши. А то что они ещё и люди хорошие, так это вообще супер. И этот филиппинец всегда так весело играет с сыном, а соседка из Словении вообще очень похожа на маму, живёт одна, любит цветы и всё время убирается.

Эта весна нас очень сблизилась с соседями. Ведь, как писал Ремарк, «ничто так не объединяет людей, как общие воспоминания».

— Вы это видели?

— Я в шоке, так близко было!

— А в группе материться можно?

— Нужно.

— На сегодня это весь, надеюсь, интертеймент?

— Чё-то сон как рукой сняло, налью-ка себе чаю.

— Налю-ка себе просто.

— Я уже дневную дозу виски приговорил.

— Если кому-то нужен хапах, могу поделиться

— Нужно, не знаю что это, но возьму всё.

Мы заходим в чат района с такой теплотой, как наши мамы в юности заходили на чай к соседям. Мы заходим сюда за содой, за дрелью, за советом, за верным номером телефона, за ощущением поддержки и того, что все мы здесь, среди пустыни, не одни и что всё обязательно будет хорошо.

Настоящие хорошие соседи — одни из тех немногих людей, которые не пытаются тебя монетизировать на каждом шагу. В нашем комьюнити — о чудо! — можно получить бесплатный совет, где лучше сделать визу, кто-то может по знакомству, не в аренду, дать насос для велосипеда или стремянку, часто приносят угощения без повода или приятную смс ни с того ни с сего пришлют. И как же я люблю за это своих соседей, потому что весь остальной мир, кажется, скурвился на 90%.

— Здравствуйте, мне порекомендовали вас как хорошего специалиста. Хотела с вами созвониться, познакомиться или выпить кофе.

— Здравствуйте, час моего времени стоит 550 \$. Если в ходе встречи родятся идеи по моим контактам, которые могут быть вам полезны, смогу поделиться, но джентльменское правило — мне 50% от всего, что получится.

А если получится какая-то ерунда? А если тот, кто познакомил меня с тобой, тоже хочет 50%? Да и что хорошего вообще может получиться с таким началом? Человек ещё не успел назвать свою фамилию, а уже говорит тебе, сколько ты ему будешь должен в случае успеха. Все на откатах, на тайных финансовых схемах, просто пообщаться уже просто не с кем.

Наши соседи не такие. У них можно в двенадцать ночи одолжить костюм космонавта для ребенка, с ними можно играть в настольные игры, поехать по Грузии на мотоциклах и срочно передать важный документ на родину. Так как все мы тут, в Дубае, словно сироты, живём, оторванные от корней, от родственников, от системы, которая нас вырастила, мы, кажется, стали друг для друга всем этим: корнями, родственниками, системой.

После того как ты хорошенько узнаешь соседей, твой новый дом расширяется до района. В этот момент появляются любимые продавцы, мойщик машины, что рассказывает мужу, как по срочным делам пришлось улететь в Бангладеш, охранники, которые машут тебе так радостно не потому, что так положено... После этого весь город, а с ним и вся страна, постепенно становится твоей. И вот ты уже говоришь: «А у нас в Дубае не так»... И твой собеседник, да и ты сам, фиксирует себя на мысли, что теперь ты больше в Дубае.

А когда в критический момент с лёгкой руки президента на всех билбордах города появляется слоган «Everyone is Emiraty» (англ. «Каждый — эмиратец» — *Прим. ред.*), то ты вообще железно утверждаешься, что Дубай — это твой дом. И в случае чего ты будешь защищать его до последней капли денег.

Есть мысль, которая пришла ко мне не сразу, не в первый месяц и даже не в первый год жизни в ОАЭ. Однажды я поймала себя на ощущении, что здесь мне удивительно легко доверять людям. Не потому, что все вокруг добрые, и не потому, что здесь живут какие-то особенные представители рода человеческого, а потому, что нас уже объединяет одно очень важное обстоятельство: мы все когда-то приняли решение изменить свою жизнь.

Возможно, это самое недооценённое качество Дубая — огромное количество людей не родились в этом городе. Они приехали сюда из десятков, если не сотен стран. Каждый оставил что-то важное: семью, привычный уклад, любимые места, друзей, понятные правила жизни. Каждый сказал себе: «Я попробую начать сначала». И у каждого была на то своя причина: кто-то ехал за карьерой, кто-то — за безопасностью, кто-то — за морем и солнцем, кто-то — за бизнесом, а кто-то приехал, потому что больше не видел будущего там, где жил раньше.

Но причина не так важна, важно само решение. Ведь переезд в другую страну — это всегда маленькая личная революция, суперспособность отказаться от привычного ради неизвестного и мегаумение жить без гарантий. Это готовность снова стать новичком, задавать «глупые» вопросы, ошибаться, искать своё место, строить круг общения с нуля. Не каждый готов на это. Именно поэтому мне иногда кажется, что Дубай — это город людей, которые уже доказали себе, что способны меняться.

В Москве, например, чувство «свои» возникает внутри отдельных сообществ. Ты идёшь на выставку современного искусства, или в новый иммерсивный ресторан, или на лекцию по архитектуре и примерно представляешь, кто окажется рядом. Вас объединяют интересы, образование, образ жизни, культурный код. В Дубае происходит удивительная вещь, здесь похожее чувство возникает на уровне всего города. Ты садишься рядом с человеком в кофейне, стоишь в очереди, оказываешься вместе в поликлинике и почти наверняка знаешь одну вещь — он тоже когда-то собрал чемодан, тоже прошёл через страх переезда, тоже оформлял документы и начинал жизнь почти с чистого листа. И вдруг оказывается, что между вами уже есть общий язык, даже если вы выросли на разных континентах и говорите с невероятными акцентами.

Это очень необычное чувство, словно вы оба принадлежите к одному негласному клубу людей, которые рискнули. Конечно, это совсем не означает, что все жители Дубая похожи друг на друга. Наоборот. Здесь, наверное, самое невероятное разнообразие культур, национальностей, профессий и характеров, которое только можно представить. Но поверх всех этих различий существует ещё одна идентичность — мы приехали, мы выбрали именно этот город и выбрали перемены.

Наверное, именно поэтому здесь так легко заводятся знакомства и формируются сообщества. Один разговор в лифте может закончиться совместным проектом, случайная встреча

на ланче — дружбой, а спортивная тренировка — приглашением в гости. Не потому, что так принято, а потому, что каждый помнит, каково это оказаться в новом месте без привычного круга людей. Когда ты сам однажды был новичком, то гораздо охотнее открываешь дверь тому, кто только что постучал. Я думаю, именно это и есть настоящий секрет Дубая. Не небоскрёбы, не роскошные отели, не отсутствие налога на доход, главное богатство этого города — люди, которые когда-то осмелились сюда приехать.

Как я скучаю по чистой обуви

Но вот мы снова в Москве, и на дворе весна. Снегодождь летит прямо в лицо, будто хочет сорвать с него бесстыжую загоревшую кожу, но ты вынуждена гулять, так как безудержную энергию детей уже не выдержишь не то что ты сама, но даже бетонные стены вашей квартиры.

— Ма-а-ам, ну когда будет солнышко? — ноет мелкий, который первые четыре года жизни рос в Дубае и носил обувь в исключительных случаях, а теперь больше похож на персонажа из рекламы шин Michelin, чем на мальчика.

— Ни-ко-гда! — радостно восклицает старшая, все эти четыре года скучавшая по переменам погоды и вот этому бодрящему, сквозящему, леденящему душу апрелю.

И мы отправляемся гулять. Лес, сосны, тишина... И грязь. Такая, знаете, не просто грязь, а философская. Грязь, в которой можно увязнуть не только сапогом, но и настроением. Грязь, которая цепляется, не отпускает, идёт с тобой домой, в лифт, в прихожую и, кажется, уже планирует остаться у вас на ПМЖ.

— Мам, а почему тут всё коричневое?

— Это весна, сынок.

И вот, нагулявшись, ты стоишь у двери, вооружённая влажными салфетками, пакетами, тряпками, внутренним отчаянием и внешним спокойствием.

Разуваешь одного, второго, себя, пытаешься не поставить ногу туда, куда уже поставил младший, но, конечно, ставишь.

И в этот момент особенно остро вспоминается Дубай, как ты выходишь из дома, и у тебя чистая обувь. А потом возвращаешься, и она всё ещё чистая, как будто между «вышла» и «вернулась» вообще ничего не произошло. Ни луж, ни реагентов, ни этих коварных серо-коричневых субстанций, которые не отмываются даже с третьей попытки и начинают жить своей жизнью.

В Дубае обувь — это аксессуар, в Москве — участник боевых действий.

— Ты почему в кроссовках? Там же грязно!

— Я в небиваемых кроссовках.

— А есть убиваемые?

— Были.

Мы начинаем делить обувь на категории: «для выхода», «для прогулки», «для нормальной жизни» (которой пока нет) и «эти, которые вообще уже не жалко».

А потом наступает вечер, и ты моешь обувь. Детскую, мамину, свою, иногда даже ту, в которой никто никуда не ходил, но ей тоже досталось, когда мелкий изъявил желание помочь с этой процедурой. И вот тут над ведром с грязной водой ты начинаешь жутко скучать не по дубайскому пафосу, даже не по теплу, хотя, конечно, и по нему тоже. Ты скучаешь по этой странной, почти нереальной дубайской чистоте. По ощущению, что мир как будто немного на твоей стороне и не пытается тебя испачкать при каждом удобном случае.

— У нас полный дурдом, как будто или последний день Помпеи, или мы сидим на нефти, как Эмираты. Открывают всё подряд — фестивали, биеннале, триеннале, ярмарки, новые пространства, безумные проекты везде и всюду... И везде плитку перекладывают.

Как я скучаю по красивым машинам

Вторая неделя жизни в ОАЭ. В поисках идеального дома мы заехали в самое сердце пустыни и по дороге встретили красный корвет, ярко-синий GT и классическую жёлтую ламбу.

— Мы что, попали в какой-то кластер крутых машин?

— Да, этот кластер называется «Дубай».

И вот я четыре года спустя стою в Москве, пытаюсь забронировать замёрзшими руками каршеринг. HS — это что? Honda, Hunday? HS — это хз... Вот ещё есть непонятные марки или модели, причём я на всех уже по несколько раз точно ездила, но до сих пор не могу отличить одну от другой и никакого впечатления сформировать о них тем более. Пожалуй, кроме как от Москвича.

— Не бери его, у него колодки не в порядке, — отговаривает меня коллега, который только что припарковал этот Москвич у нашего офиса.

— Ну, я уже забронировала, да и коробки мы с тобой в его багажник запихнули, — отмахиваюсь я.

— Ну смотри, ты не получишь удовольствия, — говорит он и уходит.

Я сажусь за руль и через 20 метров на первом же повороте при нажатии на тормоз слышу такой истошный скрип, что мгновенно понимаю: для меня гораздо безопаснее манёвр на скорости, чем под такой аккомпанемент.

— Артё-ё-ём! — немедленно звоню я коллеге. — Ты меня должен был за плечи трясти и говорить: «Откажись от этой развалины!» А не это твоё деликатное: «Ты не получишь удовольствия!» Хорошо, говорят, что в этом новом Москвиче из нашего только шильдик.

И тут я начинаю скучать по дорогим дубайским машинам, которые стоят очень дёшево, но выглядят невероятно впечатляюще. Хотя в Дубае ты очень быстро перестаёшь впечатляться автомобилями, потому что если удивляться каждому, то никакого удивления не хватит.

Сегодня у соседа кабриолет, завтра внедорожник размером с небольшую квартиру, послезавтра что-то, что выглядит как золотой слиток на колёсах. И самое странное начинается, когда ты узнаёшь, сколько это стоит. Оказывается, что это не «мечта всей твоей жизни», а примерно как нормальная аренда за несколько месяцев. И вот тут ломается внутренняя система координат, потому что у тебя в голове дорогая машина должна быть событием с кредитом, с эмоциями, с долгим выбором цвета, с разговорами «мы это заслужили». А здесь это просто транспорт, как будто кто-то перепутал категории в реальности.

Ты выходишь утром и видишь, что человек спокойно садится в очень большую и очень красивую машину. Ощущение, будто это машина кинозвезды или машина-кинозвезда. А человек в шлёпанцах, и пакет у него из супермаркета, и никакой торжественности — ноль. Сел и поехал. И это, пожалуй, самое шокирующее, потому что если вещь дорогая, она должна хотя бы немного давить своим статусом. А тут нет: автомобили красивые, громкие, блестящие и при этом ведут себя как обычные, без пафоса, без трагедии, без «осторожно, я вам не по карману».

Потом ты уезжаешь и начинаешь скучать не по маркам и не по мощностям, а по этому странному ощущению, что роскошь может быть будничной, доступной, что дорогая вещь не обязана сопровождаться инфарктом. И иногда ты ловишь себя на мысли, что где-то в мире люди всё ещё платят бешеные деньги за то, что у других просто стоит во дворе.

До всего этого Дубая тогда, в Москве, у нас была старушка Subaru. На ней мы ездили в Питер и в Прибалтику, в Крым и по Золотому кольцу, из России во Францию и обратно. Уезжая в ОАЭ, Subaru мы передали нашему хорошему другу на передержку. И когда, возвращаясь на месяц-другой, мы просили её обратно, дочка всегда восклицала:

— О, Subaru! Если бы она не была такой грязной, я бы её обняла!

Потому что в России машина — это не средство передвижения, это друг, иногда член семьи и всегда холст народного творчества, причём коллективного. Сначала на этом автохолсте аккуратно ложится базовый слой — пыль, реагенты и всё то, что ещё вчера было дорогами. Потом добавляются брызги, художественные, экспрессивные, от встречных и попутных. И финальный штрих — чья-то рука, которая обязательно выведет на заднем стекле что-нибудь философское, типа «Помой меня», или сердечко, или всё сразу.

В Дубае с этим проще, там чистая машина — это не достижение, а базовая настройка, как с обувью. Ты выезжаешь — и она чистая. Ты приезжаешь обратно — и она снова чистая. А если вдруг нет... то где-то на горизонте уже маячит мойщик, ну и мысль о штрафе. И это, надо сказать, очень дисциплинирует. Любовь к порядку, конечно, важна, но ничто так не прививает эту самую любовь к этому самому порядку, как административная ответственность.

Кстати, о мойщиках, в Дубае, они, кажется, обитают на каждой парковке — у жилых домов, у офисов и практически во всех торговых центрах. Оставляешь машину, идёшь по своим делам, возвращаешься, а она уже сияет. Не ты подстраиваешься под мойку, а мойка подстраивается под тебя. Порой думаешь, что если оставить машину ещё на пару часов, ей заодно поменяют масло, подкачают колёса и принесут кофе в подстаканник. В итоге ты живёшь в мире, где машина должна быть чистой всегда, и она правда почти всегда чистая, и к этому очень быстро привыкаешь. Настолько, что начинаешь воспринимать это как должное, как будто так везде.

И вот тут всплывает неожиданное: оказывается, раньше, в прошлой жизни, я специально не мыла машину, потому что под слоем пыли прекрасно скрывались мелкие жизненные обстоятельства в виде царапин. Это столбик не так встал на Патриках, это бордюр на Ленинском оказался слишком близко к моей траектории, а тут просто звёзды не так сошлись.

Но даже имея такие невероятные возможности московской маскировки, ты всё равно скучаешь по ощущению, как Дубай за тобой ухаживает. Он будто говорит: «Давай я хотя бы снаружи сделаю красиво». И ты едешь на чистой хорошей машине, и внутри как-то тоже становится аккуратнее и лучше.

— Мам, а почему в Дубае машины всегда чистые?

— Потому что там нельзя, чтобы было иначе.

— А у нас?

— А у нас... можно всё.

И это ещё не всё. В Дубае не только мойка, но и бензин может приехать к тебе сам. Не ты едешь на заправку, а заправка едет к тебе. Оставляешь машину рядом с домом или работой, нажимаешь пару кнопок в приложении, и, пока ты спишь, трудишься или пьёшь коктейль, кто-то незаметно приезжает, открывает лючок, заправляет автомобиль и уезжает. Без очередей, без запаха бензина, без традиционного: «Ой, а с какой стороны у меня бак?», да ещё и порой дешевле.

В России с недавних пор заправка — это отдельный национальный аттракцион, доказательство нашей безудержной силы духа и силы дури. У нас когда бензин дорожает, ты заправляешься не до полного, а «на тысячу», потому что «до полного» — это уже финансовое решение, которое лучше принимать после семейного совета. А в моменты разговоров про дефицит топлива вообще появляется ощущение, что 98-й скоро начнут передавать по наследству.

Как я скучаю по хорошим дорогам

Ну и раз уж мы заговорили о машинах, поговорим и о дорогах. Все знают, что наряду с дураками, эта беда стала чуть ли не нашим национальным достоянием. ОАЭ — страна небольшая, молодая, с однообразным, хоть и жарким, климатом и поэтому не такая богатая на подобные достояния. Дорог тут не так много, все они почти новые и, соответственно, просто идеальные. Ровный асфальт не заставляет машину подпрыгивать на каждой второй яме и не даёт превратить поездку в соревнование между подвеской и позвоночником. Ты можешь ехать двадцать, тридцать, сорок километров, и кажется, будто его только что уложили специально к твоему выезду.

Конечно, идеальным в плане дорог этот город тоже не назовёшь. В какой-то момент обязательно обнаружится, что привычный съезд закрыт. Вчера ещё был, а сегодня перед тобой ограждения, оранжевые конусы и табличка, которая без всякого сочувствия сообщает, что теперь домой ты поедешь немного другим маршрутом.

Первые минуты ты всегда испытываешь лёгкое раздражение: «Ну вот, опять ремонт».

Но проходит месяц, иногда даже меньше, ты проезжаешь то же место и не узнаёшь его. Вместо одного съезда появляются два, вместо перекрёстка — новая развязка, а там, где вчера стояли экскаваторы, уже несётся поток машин, словно эта трасса существовала всегда. Создаётся впечатление, что строители работают по какому-то секретному графику, и, пока весь город спит, они успевают построить ещё пол-Дубая.

Иногда мне кажется, что если оставить вечером на пустыре лопату и несколько дорожных знаков, то к утру там обязательно появится новая магистраль.

А ещё складывается устойчивое впечатление, что дороги здесь ремонтируют не потому, что они сломались, а их перестраивают потому, что город уже вырос из прежних. Здесь они не являются чем-то окончательным, а постоянно меняются, становясь удобнее, шире, быстрее, меняются не потому, что старые были плохими, а потому, что город продолжает двигаться вперёд.

Навигатор, конечно, не всегда успевает за этим градостроительным энтузиазмом. Иногда он уверенно предлагает повернуть туда, где уже неделю красуется бетонный забор, иногда, наоборот, упорно не замечает новый съезд и делает вид, что его не существует. Но проходит совсем немного времени, и карта догоняет реальность.

Наверное, именно потому после Дубая слово «ремонт» перестаёт означать «привыкайте», оно подразумевает: «Потерпите немного. Скоро будет ещё лучше».

И каждый новый перекрытый съезд там почему-то воспринимается не как проблема, а как обещание. И, что удивительно, эти обещания почти всегда сдерживаются.

Впрочем, это не только о дорогах, это обо всей стране в целом, меняются времена, меняется и страна, это логично. Многие города, проходя сквозь эпоху перемен, закрываются, озлобляются, запрещают въезд и выезд, ёжатся и колются, а Дубай делает всё, чтобы вам, вашим друзьям и любимым здесь жилось легче, потому что усложнять жизнь в наше время — это путь в никуда. Будь проще — и люди к тебе потянутся, кажется, тут в полной мере поняли эту мудрость.

Как я скучаю по таксистам

На пути наших рассуждений о дорогах и машинах, никак не обойтись и без тоски по дубайским таксистам. Не очень помню, как в других странах, но в России такси — это не сервис, это испытание.

2 января, Новый год, Москва. Ты втягиваешь морозный воздух родного аэропорта.

— Дома! — вздыхает душа.

— Где такси?! — негодует мозг.

Двадцатую минуту подряд приложение безуспешно ищет водителя, стоимость поездки увеличивается вдвое. В итоге на вызов приезжает мужчина, который, по его словам, уже третьи сутки в пути... М-да, дома.

— Мама, ты сказала, что вызвала такси «комфорт», но это какой-то дискомфорт, — страдает дочь, зажата на заднем сиденье между огромным чемоданом и автокреслом с братом.

А вот у нас в Дубае... И хочется рассказать таксисту, как на любой вызов в три или четыре утра, у моря или в пустыне, несмотря на то, что ты с детьми или собакой через три минуты приезжает машина. В ней в неизменной форме, такой же как у всех других таксистов Дубая, вежливый и чаще всего молчаливый водитель. Потому что, слава богу, языковой барьер. И тебе не нужно слушать его небывалые истории о том, как он в девяностые владел заводом, потом сидел в тюрьме, потом написал книгу, потом жил в Америке и в итоге сейчас здесь работает для души. Цифры расходятся с фактами лет на 15, но ты едешь, киваешь и ждёшь, когда наконец услышишь долгожданное: «Прибыли».

— Никогда бы не подумала, что из-за Рамадана не смогу вызвать в Москве такси! — восклицает мама, которая, в очередной раз набив до отказа чемоданы родными просторами, прилетела к нам в гости.

— Такой маленький чемодан, а такой тяжёлый!

— Да, таксист тоже удивился, а девочка, принимавшая багаж, выказала своё почтение к моим навыкам.

И вот ты сидишь в машине, которая приехала вовремя, едет спокойно, водитель не спорит с навигатором, не предлагает «короткий путь» через какие-то параллельные вселенные и не задаёт философских вопросов о жизни, и вдруг понимаешь, что тебе, возможно, даже немного не хватает этого хаоса, этих историй, этих людей, которые превращают поездку на такси в отдельный жанр.

Но только на секунду, потому что ровно в следующий момент ты осознаёшь, как сильно ты уже привык к тому, что такси — это просто такси, что машина приезжает тогда, когда ты её вызываешь, что поездка — это перемещение из точки А в точку Б, а не эмоциональный аттракцион с элементами стендапа и психоанализа.

— Моя подруга боится летать...

— А что там бояться: сел, выпил, уснул, прилетел.

— Вам везёт, она с двумя детьми не может уснуть, ей надо за ними смотреть.

— А что за ними смотреть? Куда они с самолёта денутся?

И в этом месте становится окончательно ясно, что к хорошему привыкаешь не просто быстро, а катастрофически быстро. Настолько, что любая попытка вернуться в мир, где «подождите ещё пару минут, водитель почти найден», воспринимается как личное оскорбление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.